

БАЛЕТЫ С ПОДТЕКСТОМ

Почти одновременно с «Мариинским» фестивалем в Большом театре отмечали столетие Джорджа Баланчина, духовного учителя Уильяма Форсайта. Балетные события комментирует известный критик **Вадим ГАЕВСКИЙ**.

Столетний юбилей Баланчина Большой решил отметить с размахом. Была развернута выставка фотографий Пола Колника, штатного фотографа созданного Баланчиным театра «Нью-Йорк сити балле»; показан документальный фильм Доминика Делуша, посвященный балерине Виолетт Верди, любимице Баланчина и

продолжательнице его дела (острый ум, острый взгляд и море обаяния — таких захватывающе интересных репетиций я никогда не видел). И, наконец, главное — был подготовлен спектакль из трех знаменитых балетов Баланчина и трех его концертных номеров, тоже повсеместно известных. Репетировали американские артисты, бывшие солисты труппы «Нью-Йорк сити балле», а также Татьяна Терехова, в недавнем прошлом блестящая солистка Мариинского театра. В течение двух недель общий класс проводила Виолетт Верди, короче говоря, все было сделано по высшему разряду.

Можно лишь приветствовать такой неформальный подход к организации юбилейного торжества, можно даже вспомнить, что Большой театр почти во все времена славился умением отмечать юбилейные даты. И стало быть, благородная традиция не умерла. Но сейчас необходимо сказать о другом — о премьере в Мариинском театре трех балетов Уильяма Форсайта, в духовном смысле — ученика Баланчина, но при этом — самого отъявленно-го авангардиста современного балетного театра. Оба события содержали один и тот же подтекст — то была демонстрация репертуарной политики открытых

дверей, демонстрация с позиции силы. И Баланчин для Москвы, и Форсайт для Петербурга — балетмейстеры не самые близкие, разрушающие установленный порядок, утвердившийся стереотип, узаконенную норму. Для Большого театра норма эта — так называемый драмбалет или хореодрама, то есть тот малотанцевальный жанр, который Баланчин отвергал, с которым не желал считаться. Для Мариинского театра это традиционный, в некоторых случаях и консервативный академизм, которому Форсайт бросил скандальный, но и великолепный вызов. И вот теперь они вызывают огромный интерес и у зрителей, и у самих артистов. Баланчин, правда, не в пер-

вый раз — несколько сезонов назад он шел в Большом театре. Форсайт же в Мариинке раньше не ставился. Но важно то неслучайное обстоятельство, что оба появились в нынешнем году, потому что именно сейчас стали громко звучать раздраженные голоса титулованных пенсионеров, бывших премьеров и забытых премьерш, чья жизнь прошла в славные времена Юрия Григоровича, наглухо заколотившего двери Большого театра, и в еще более достославные времена Константина Сергеева, при котором и самому Григоровичу не нашлось достойного места в мариинском балете.

Что же касается самой премьеры Баланчина, то, как и всегда, на его премье-

рах было много неожиданностей, отрадных и не очень. Приятными неожиданностями я бы назвал очень хорошую работу кордебалета, отличную подготовку мужской части труппы и то, что лучше всего показался «Агон», самый трудный изо всех показанных опусов Баланчина, в исполнении к тому же не первых сюжетов труппы. Неприятная неожиданность, что почти все первые сюжеты оказались не на высоте, в результате чего гениальная симфония «До-мажор» на музыку Бизе прошла обыденно и не вдохновенно. По-видимому, на главные партии надо пробовать молодых, тем более что Московская академия хореографии вздохнула в последнее время свободнее.